

Мать Мария (Скобцова) 12-й час

В душе каждого из нас есть мучительные и неуничтожаемые заносы. Мысль о России. Не со стороны, не как историки, не холодным разумом знали мы, что Россия погибает, а каждый своим личным опытом ощущал эту гибель. У одних врезались в память штабеля тел тифозных на какой-нибудь станции, ждущих погребения, у других — голодные дети, обреченные на смерть, третьи видели момент гибели всей России в расстреле близких, переживая их ужас в подвале чека. Наша любовь к родине была окрашена мучительным тоскующим чувством. Наша любовь была безнадежна. Ощущение гибели так точно. Собственно, мы все погибали вместе с Россией, и почти у каждого из нас есть память о каком-нибудь дне, когда казалось, что вот предел, что больше терпеть нельзя, что вокруг воцарилась вечная ночь и нет никакой надежды.

За эти девять лет выросли бесчисленные могилы. Могилы тех, кто умирал в глухую ночь и не мог верить, что будет рассвет. И казалось нам, что в этих могилах лежат не только наши близкие и любимые, но и сама Россия ляжет в них.

Страшный опыт у нас у всех, и надолго он обессилил нас.

Долго не были мы способны ни к какой борьбе и даже не знали, какие силы противника. Если же что и кидало нас на борьбу, то это была бессильная злоба и беспредельное отчаяние.

Но теперь что-то случилось в мире.

Пусть в области истории, во внешних событиях, не изменилось почти ничего, пусть и сейчас владеет та же власть в России и так же бросает в тюрьмы и ведет на смерть всех, кто ей неугоден, пусть Европа еще не до конца поняла глубину трагедии русского народа и пусть ей до этой трагедии еще мало дела.

В какой-то иной плоскости, — в области духа, — можно уже учуять, что свершился великий перелом, иной свет забрезжил, иными ветрами насыщен воздух. Если отвлечься от медленной поступи истории, если забыть ежедневное и прислушаться к иным ветрам, — то можно отчетливо слышать, как бьет двенадцатый час — час освобождения и пробуждения духа.

И постепенно мы все начинаем дышать этим воздухом двенадцатого часа. Да и внешние признаки перелома уже налицо, надо только внимательнее всмотреться в них. В отдельных людях, в различных собраниях людей начинает ощущаться какая-то крылатость, подъем и вера. И впервые мы начинаем опознавать врагов, они — это не отдельные люди со злой волей. Отдельные люди — только орудие злой воли, они — одержимы темной силой и влекомы ею. За ними во весь рост вырисовываются темные силы, и против них должна вестись борьба. И

кажется чем-то несомненным, «что сей род изгоняется молитвой и постом». Никакие человеческие усилия, никакая воля и никакой разум не смогут найти правильных путей, если не будет понято, что «сей род изгоняется постом и молитвой».

Только так, только такими усилиями можно добраться до самой сердцевины тьмы, которая окружает Россию, и избавить ее от гибели. Это первое, что нам всем нужно помнить. И кроме такой чисто отрицательной задачи, мы начинаем ощущать и иную — большую, труднейшую — положительную. Мы можем так ее выразить: «Познаю тебя, начало высоких и мятежных дней». Мы чувствуем, что при какой-то исторической удаче — завтрашний русский день будет ослепительно светлым и своим светом осветит весь мир.

Мы начинаем верить, что завтрашний день осуществит творческое единение начал веры и начал человеческих усилий. И когда мы мысленно обращаемся к России, то впервые нам хочется смотреть не назад, на последний клочок русской земли, последний берег, оставленный нами, — а вперед, на те берега, которые вырисовываются перед нами в предзвездном сумраке.

Впервые при мысли о России нам дается не прежняя память об утратах, не прежняя печаль о гибели, не образ единой, великой могилы, — а какая-то непомерная радость, какое-то светлое озарение. Но чем озареннее видится нам завтрашний день, тем труднее наша обязанность по отношению к нему. Обязанность каждого отдельного частного человека в области его частной жизни и частной работы, — быть готовым, быть достойным, уметь прибрать свою духовную горницу. Это обязанности — добросовестности, труда, любви и ответственности. С другой стороны, существуют иные обязанности — обязанность всех нас, объединенных воедино, соборно направляющих свою волю и любовь к России и на Россию.

Ведь как бы пламенна ни была наша вера в светлый завтрашний день, как бы мы ни жаждали его, — мы должны помнить, что на нашем пути могут быть иные срывы и неудачи. Или человеческое творчество пойдет слишком мерзким путем, не сумеет подчинить себя непоколебимым началам веры. Или надежда на завтрашний свет может быть недостаточно действительна и расплывется в мечтаниях, дав орудия действиям темной силы. Или разъединение заставит говорить людей на разных языках и не поймут они друг друга. Или, опаленные первым лучом рассвета, мы так уверуем в свои силы, что начнем строить Вавилонскую башню вместо Господнего Собора, в котором обитает Дух Святой.

И вот, дабы бороться со всеми этими искушениями и опасностями, нам надлежит окружить все пути русского творческого духа молитвой. Нам надлежит молиться о всех тех, — по именам нам неведомых, — кому предстоит стать новыми путеводными маяками русской духовной

культуры. О духовных вождях, видящих дальние цели и светящих вперед на много поколений, и о рядовых работниках на жатве духа, в деле духовного возрождения и просветления нашего народа, — надлежит нам молиться, чтобы на все их человеческие усилия легла печать благодати, чтобы все они соединились знаком любви и чтобы это соединение было во имя Христово. Тогда каждый малый из них будет больше себя, потому что Христос будет среди них и будет совершать их дела.

Нам надо молиться о нас самих, чтобы любовь наша просветилась благодатью, чтобы усилия наши были бы доброкачественны и оказались нужными для общего творчества завтрашнего русского дня. Нам надо молиться, чтобы все усилия людей, больших и малых, мудрых и немудрых, молитвенников, богословов, мыслителей, делателей, — были бы благословенны.

В каждом из нас как-то бьется единое сердце России. И в молитве о благодатном озарении наших путей это сердце, бьющееся в каждом из нас, может быть очень дерзновенным. Материнское сердце России пережило страшную Голгофу своего народа.

Сердце России помнит: поругание церкви и мученическое исповедание веры верных сынов церкви; сердце России помнит смерть тысяч своих детей в темных подвалах чека, из которых никуда не докричишься и никого не дозовешься; помнит оно голодных ребят, умирающих от голода по всем дорогам, по всей равнине русской; помнит гибельную гражданскую войну, когда русский убивал русского; помнит Соловки, где к медленной смерти ежедневными мучительствами приближаются люди; помнит изгнанных и томящихся в чужой земле; помнит растлеваемое юношество, которое насильно обращается в коммунистов.

Все пережило и все помнит сердце России, — и память эта о ежеминутно грозящей гибели и обступающей со всех сторон беспросветной тьме, — дай ему Боже великое дерзновение и великую силу его молитве.

Сердце России бьется в каждом из нас и заставляет дерзновенно молиться и дерзновенно верить, что близится воскресение, что двенадцатый час уже бьет.